

ГОЛОВАНЕВА Татьяна Александровна

канд филол. наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Электронная почта: gta-77@mail.ru

Чужое, ставшее своим: чай в культуре камчатских коряков начала XX века

УДК 398(=551.3):623.444 doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/16-25

*Коряки,
этнография коряков,
обряды коряков,
коряцкий фольклор,
корякская
литература,
Кецай Кеккетын,
культурное
взаимодействие,
история Камчатки,
чай*

В статье представлены свидетельства этнографического, фольклорного и литературного характера, отражающие процесс освоения камчатскими коряками чая, привезённого русскими торговцами на территорию Камчатского полуострова в середине XVIII в. Постепенно чай из предмета роскоши становится необходимым продуктом питания. Обычай утреннего и вечернего чаепития является к началу XIX в. незыблемой традицией каждой корякской семьи. Чай и ритуальное чаепитие находят отражение в обрядовой практике камчатских коряков, в корякском фольклоре, корякской литературе. И только в одной из сфер обрядовой жизни коряков чай до сих пор воспринимается как элемент чужого мира.

Географическая обособленность этносов, проживающих на территории Камчатского полуострова долгое время, вплоть до конца XVII в., служила естественным барьером, который препятствовал активному взаимодействию коряков и ительменов с чужим миром. Традиционный устоявшийся быт обеспечивал аборигенов Камчатки всем необходимым для жизни. Чужой русский мир вторгся в жизнь камчатских аборигенов как агрессор. Приобщение коряков к государственности шло насильственным путём: «В первые два десятилетия XVIII в. война русских с коряками шла с переменным успехом. С большим трудом к 1720-м гг. удалось привести в ясачный платеж оленных коряков» [6, с. 132]. Кровопролитные военные столкновения, неравные в условиях отсутствия огнестрельного оружия у одной из сторон, резко обозначили противостояние двух миров: своего и чужого. Это потрясение коряков от встречи с иноплеменниками, владеющими невиданным огненным оружием, устойчиво закрепилось в корякском языке. До сих пор, говоря по-корякски, коряки по отношению к русским употребляют слово: *мэлгытаньюын*, что буквально означает «огненный иноплеменник». Сейчас это слово лишено каких-либо дополнительных смысловых коннотаций. Этимология слова понятна носителям корякского языка, но историческая подоплёка постепенно стирается, и слово *мэлгытаньюын* сейчас воспринимается как стилистически нейтральное.

Чужой, русский мир, ломающий традиционный корякский уклад, разоряющий кочевья, уничтожающий корякских воинов огненным оружием, в начале XVII в. утверждает свои позиции на Камчатке и остаётся навсегда. Жизнь корякского этноса уже не будет прежней. Чужой русский мир начинает су-

Для цитирования:
Голованева Т.А. Чужое, ставшее своим: чай в культуре камчатских коряков начала XX века // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 16–25. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/16-25

ществовать рядом, и оградиться от его влияния невозможно. Период жестоких кровопролитных столкновений сменяется периодом сначала вынужденного, а потом естественного и даже желанного взаимодействия, которое затронет все сферы жизни аборигенов Камчатки.

До прихода на Камчатку русских завоевателей питание коряков всецело состояло из того, что давала Камчатская земля, её реки и омывающие полуостров моря. До вторжения русских у коряков был свой «камчатский чай» [8, с. 39], вместо чайной заварки использовали листья кипрея: «Кипрей (*Epilobium angustifolium*), по корякски *me'nmet*, стоит на первом месте среди съедобных растений. Стебли его связываются пучками и сушатся на солнце или над очагом, потом рубятся каменными топориками. <...> На Камчатке из расщепленных стеблей вынимают сердцевину, сушат ее и заготовливают на зиму. Свежие листья употребляют вместо чая, когда нет настоящего» [7, с. 112]. В. И. Иохельсон, сделавший эту запись, был участником двух экспедиций на Камчатку: в 1900–1901 гг. и в 1910–1911 гг. Записи этнографа свидетельствуют, что в начале XX в. листья кипрея ещё использовались коряками в качестве чайной заварки, традиционные способы его заготовки были ещё в силе, но конкуренции с китайским чаем кипрей (иван-чай) уже не выдерживал. На это указывает замечание В. И. Иохельсона, что кипрей использовали лишь тогда, когда не было настоящего чая.

К началу XX в. употребление чая, хлеба и табака уже воспринимались коряками как жизненно необходимое благо, которое принёс с собой русский мир. В 1938 г. береговой коряк Енагыт, один из курсантов Корякской окружной совпартшколы, написал в своём рассказе о прежних временах: «Предки мучились, живя без чаю и хлеба, – тогда этого совсем не было <...>» [12, с. 74]. Для коряка, родившегося в начале XX в., жизнь без привозных продуктов: чая и хлеба – уже невысказана.

В посёлки и кочевья Камчатки чай попадал в результате торгового обмена. В течение всего XIX века на Камчатке, как и по всей Сибири, торговля велась «преимущественно не на деньги, а на обмен» [6, с. 331]. Русские торговцы помимо прочих товаров обязательно привозили брикеты чая, который импортировался из Китая, причем в XIX в. среди ввозимых в Россию из Китая товаров «господствующие позиции занял чай» [6, с. 330].

Члены шведской Камчатской экспедиции 1920–1922 гг. поражались тому, насколько важную роль играет чай в торгово-обменных отношениях на полуострове: «Тот чай, который сжат в твердые слои величиной с кирпич, хотя и заметно тоньше, является «единственным спасителем» у народов, живущих на природе Камчатки. Он является важным предметом коммерции, который со складов торговцев распределяется по всему полуострову на собачьих упряжках, моторными лодками и батами. Один слой плиточного чая является единицей, известной каждому, и на Камчатке он широко используется в качестве денег» [1, с. 36]. Несмотря на то, что на Камчатке были большие сложности с транспортировкой товаров, развозная торговля делает привезённые товары доступными даже в самых далёких стойбищах. Сущность развозной торговли заключалась в том, что «купцы или приказчики разъезжали по деревням и инородческим стойбищам с целью продажи своих товаров и скупки сельскохозяйственной продукции, скота, пушнины» [6, с. 334]. На Камчатке передвижение на большие расстояния вглубь полуострова осуществлялось только по зимнему насту на собачьих или оленьих упряжках. Около 8 месяцев,

с апреля по ноябрь, ни о какой разъездной торговле не могло быть и речи. В повести североведа С. Н. Стебницкого есть интересный эпизод о том, как кочевые коряки на оленьей упряжке рискнули поехать по непрочному весеннему льду в оседлое поселение, где в этот период ещё была открыта лавка русского торговца. Вероятность остаться без чая на ближайшие восемь месяцев пугала сильнее, чем опасность провалиться под лед: «На шестой день приезжают двое на пустых нартах, говорят: “Через Лебяжье озеро переезжали мы, лёд сломался. Чай затонул неглубоко. Товарищей оставили затонувшую кладь доставлять, сами сюда – как быть, дальше дороги на нартах нет, всё стаяло”. Лысый Беззубка жителей собрал, отравились все чай на себе нести. Пока ходили, пока Лысый тюки разворачивал, чай раздавал, много дней прошло, снег совсем стаял, тундра стала бесснежная, мокрая» [5, с. 25]. Неудержимое желание воспользоваться последней в году возможностью, чтобы закупить чая, дорого обошлось корякскому богачу-оленоводу. Ездовые олени, принуждаемые идти по острому весеннему насту, поранили ноги и заболели копыткой: «Копытная болезнь началась после в моем стаде. Больше половины оленей вымерло» [5, с. 25].

Употребление привозного чая в большей степени было доступно зимой, что связано с сезонностью транспортных сообщений на Камчатке. В самом начале XX в. пить чай летом могли позволить себе только богатые олениводы, которые имели возможность покупать (выменивать) чай впрок на всё лето и осень. По этому поводу В. И. Иохельсон отметил: «С чаем они познакомились после того, как пришли в соприкосновение с русскими. Теперь он широко распространён везде. Однако большинство коряков летом чаю не имеют, потому что у них нет средств делать большие запасы» [7, с. 113].

Неравные возможности приобретения привозных товаров усиливали социальное расслоение традиционного общества: «Среди тундровых и таежных народов под русским влиянием быстрее пошли процессы имущественной дифференциации <...>. В особенности этот процесс усилился в первой половине XIX в. после выхода в свет «Положения о свободе торговли в Сибири» (1831 г.)» [6, с. 251].

Несмотря на возможности развозной торговли, в самом начале XX в. чай среди коряков всё же остается предметом роскоши. Безоленным корякам приобрести чай у русских было почти невозможно, так как им нечего было предложить взамен. Рассказывая о трудной жизни батраков-олениводов, С. Н. Стебницкий отметил, что бедняки лишь во время больших праздников получали небольшое количество чая от своих хозяев: «Привлечённые работники, в сущности говоря, не получали почти никакой платы за свой тяжёлый труд. Их обеспечивали пропитанием в мизерных долях. <...> Кроме того, раз в год, обычно во время какого-нибудь олениводческого праздника, им давали некоторое количество чая и табака» [12, с. 76].

Во второй половине XIX в. торговые отношения с русскими торговцами становятся неотъемлемой частью жизни богатых корякских олениводов. Шведский путешественник С. Бергман, отметил, что на Камчатке в 1920-е гг. при обмене «из товаров, конечно, чай и табак играют самую важную роль» [1, с. 100]. В стойбищах и посёлках Камчатки чай был своеобразной денежной единицей. Примерная цена (в расчёте на лисьи шкурки) дана в повести С. Н. Стебницкого

«Пурга». Один из героев повести с обидой рассказывает о том, как прошёл обмен с русским торговцем (Краснорожим): «Краснорожий мне за самую лучшую лисицу пятнадцать кирпичей чаю дал, больше ничего» [5, с. 24].

¹ Перевод
Т. Голованевой.

² Перевод
Е. Прониной,
Т. Голованевой.

С большим желанием русские торговцы принимали от коряков в качестве платы за чай лисьи и собольи шкурки. Охота не была основным промыслом кочевых коряков, так как все свои силы они отдавали оленеводству. Для охоты нужно было выкроить время между пастьбой и перегонами табуна. В повести корякского писателя Кецайя Кеккетына «Хоялхот» один из героев жалуется другому: «*Ѓэтэв 'нэлвылг'ык вэ-татвытгыйык гыйникпиляжу тыконмынунав' чайвэллыбыло*», – *гымлэ иви Яжъяб. Тыттэль этг'у пэнинкинэк алван тылий*» / «Да ещё и в промежутках между работой в табуне убиваю зверьков в качестве платы за чай», – снова сказал Яжъяк, [и] ещё [сильнее] прежнего расстроился¹ [11, с. 50]. В другой повести К. Кеккетына «Эвныто батрак» богатый оленевод Чачоль отправляет своего батрака Эвныто на охоту, чтобы потом за собольи шкурки купить себе чаю: *Митив' эчганьуывок иви Чачоль: «Эв'уыто, гыччи уэяу бэняйылвэйтыгэ, тит бонныу мынчаёлайкэ»* / «На другой день на рассвете сказал Чачоль: «Эвныто, ты тогда отправляйся на соболиный промысел, чтобы всё время мы чай пили»² [10, с. 15].

Пристрастие коряков к привозному чаю объясняется тонизирующими свойствами горячего чайного напитка. Чай помогает восстановить силы в пути, при длительных переездах по снежной тундре: «Во время сильных морозов, в особенности в северных районах округа, например, в Пенжинском районе, где морозы достигают 50⁰ и ниже, долго ехать без остановки невозможно. Каждые два часа приходится разводить огонь и согреться чаем. Останавливаются и варят чай, как только доедут до каких-нибудь кустов, до зарослей кедровника или тальника. Чтобы сложить большой костёр, развести огонь, набрать воды, повесить чайники над огнём, каюрам достаточно каких-нибудь трех-пяти минут» [12, с. 100]. Этнографы поражались тому, насколько отлаженным у коряков является порядок организации привалов во время сложных зимних переездов: «на привалах для чаепития нет необходимости распаковывать груз. Чайник всегда висит на своем особом месте в задней части нарт. <...> Чаепитие в полдень является одним из самых приятных привалов. Выпив две-три пол-литровых кружки горячего чаю, чувствуешь себя будто новым человеком. Если человек был замерзшими исчерпанным от расхода сил, то становится согрешшимся и живым» [1, с. 40–41]. Коряки ценили чай как бодрящий, восстанавливающий напиток, это отношение выразилось в корякской пословице: «чаю не попьешь – лису не догонишь» [5, с. 24].

По мнению участников шведской экспедиции 1920–1922 гг., качество и вкус привезенного на Камчатку чая оставлял желать лучшего: «чай – обычно самого простого вида, в брикетах, который вкусным назвать нельзя – даже если он и не состоит из использованной заварки мусора России и Китая, как это утверждают конкурирующие коммерсанты» [1, с. 36]. Однако неискушенным в напитках корякам вкус привезенного чая нравился невероятно: «Настой его очень крепок. <...> Коряки пьют много чая, чашек десять и больше подряд» [7, с. 113], «На Камчатке могут выпивать чая сколько угодно. <...>

² Перевод
Е. Прониной,
Т. Голованевой.

Считается правилом хорошего тона пить как можно более обжигающий чай. Камчадалы в этом отношении феноменальны» [1, с. 36].

В 1920-е гг. жизнь корякской семьи уже было невозможно представить без традиционного утреннего и вечернего чаепития. К этому времени семейное чаепитие (утреннее и вечернее) занимает главную роль в организации суточного цикла бытовой жизни коряков: «Повседневная жизнь в юрте очень монотонна. Всегда встают рано, обычно до появления дневного света <...>. Первое дело – зажигание костра. Для него утром всегда внутри есть дрова. Затем на костёр ставится чайник, и все в юрте согреваются чаем» [1, с. 109]. Один из исследователей корякской культуры конца 1920-х гг., уполномоченный Внешторга РСФСР Н. Н. Беретти подробно и с некоторой долей юмора описал ритуал семейного чаепития в корякской яранге: «Когда всё приготовлено и в полог внесён большой медный чайник, входят все обитатели юрты и начинают в полном смысле слова священнодействовать, каждый пьёт чай до седьмого пота. По мере того, как становится жарче, начинают раздеваться: мужчины сбрасывают с себя гагагли, женщины спускают одежду до пояса. Чаепитие закончено, подонки из чашек сливаются обратно в чайник <...>» [2, с. 248].

В корякских ярангах из-за недостатка дров костёр никогда не горел в течение всего дня, поэтому сформировалась устойчивая традиция совместного утреннего и вечернего чаепития, причём в трапезе участвовали все жители яранги, за исключением лишь тех, кто был на охоте или в табунах: «огонь разводят утром, приготавливают утренний чай, варят мясо, а потом огонь в очаге гасится до вечера. <...> днём огня не разводят и не устраивают ни чаепитий, ни обеда. Основная еда у чукоч и коряков бывает вечером, в сумерки, незадолго до отхода ко сну. Вечером варят полный котёл мяса, и до полуночи сидят в пологе, пьют чай» [12, с. 63].

Традиция утреннего и вечернего чаепития своеобразно отразилась в повести корякского писателя К. Кеккеттына «Эвныто батрак» (1934 г.). В этом литературном тексте сцены чаепития представляют собой опорные точки развития сюжета. Переход от вечернего чаепития к утреннему знаменует собой переход от одного эпизода к другому. Вечернее чаепитие завершает собой череду дневных приключений героя и позволяет писателю перейти к дальнейшему описанию событий. В свою очередь, утреннее чаепитие представляет собой свёрнутую экспозицию следующего эпизода и открывает возможности для событий нового дня: *Выг'аёк ыывой вутъытвик. Чаёй, яқам йылъэти. Ёывой эчгатын тилик. Эв'уыто епты куйылъэтын. Кубайпицатын. Эв'уыто ыывачи, яқам ыывой чайпатык* / «Наконец, стало темнеть. Попил чай [Эвныто], сразу уснул. Начало к рассвету подходить. Эвныто ещё спит. Снег идёт слегка. Эвныто очнулся, сразу начал чай варить»²³ [10, с. 16].

Чаепитие, становясь неотъемлемой частью корякской жизни, нашло отражение в корякской литературе. В повестях Кеция Кеккеттына упоминание чаепития функционально. В первой повести К. Кеккеттына «Эвныто батрак» (1934 г.) утреннее и вечернее чаепитие служит средством организации сюжета, актуализируя переход от одного эпизода к другому. Во второй повести «Последняя битва» (авторское название «Непобеждённые», 1935 г.) чай и чаепитие не упоминаются принципиально. Повесть рассказывает о периоде межпле-

менных войн коряков и чукчей. Изображаемые события происходят до прихода русских, когда привозного чая на Камчатке ещё не было. В третьей, последней повести писателя, «Хоялхот» (1939 г.) сцены чаепития служат средством отражения душевного состояния персонажей. По сюжету повести молодой юноша Хоялхот вынужден жениться на нелюбимой девушке. Об этом браке родители жениха и невесты договорились ещё при рождении детей. Тоскующему Хоялхоту не до чаепития. Традиционное удовольствие перестало иметь для него смысл: *Киткит пылнин ыннэн койнуыйычг'ын Ыоялжотынак, уытотгыматэ. «Пыче, явы! – кумнати Нутэлкут. – Маука ачаёка китыу?» «Гыммо пыче мууэлики. То еван уйүэ аячаёука тыкитыу», – иви Ыоялжот то яжам уытой».* / 'Как только выпил одну кружку, Хоялхот захотел выйти. «Постой, погоди! – воскликнул Нутэлкут. – Почему без чая остался?» «Я сначала за дровами схожу, да и не хочу я чай пить», – сказал Хоялхот и сразу вышел' [11, с. 14]. Если знать, что коряки могли выпивать до 10 кружек чая во время традиционного утреннего или вечернего чаепития, то становится понятна глубина переживаний Хоялхота, который выходит из яранги, выпив всего одну кружку чая.

В повести К. Кеккетына «Хоялхот» сцены чаепития позволяют передать чувства жениха и невесты, насильно принуждаемых к браку. Варить чай, угощать гостей чаем – обязанность корякской женщины. И корякская девушка Мэллэ выполняет эти обязанности с радостью. Но как только она узнает, что её насильно выдадут замуж за Хоялхота, всё меняется. Чувство отчаяния охватывает девушку. Корякский писатель передаёт драматизм ситуации, изображая сцену неудавшегося чаепития: *«Титэ Ыоялжот уалвылг'ууңо этти, Мэллэ уйүэ айгывэкчэ'энау экычвилг'эткэ китыу то уйүэ ачайпатка. Кыта ыллаг'а наувон кытг'айуак, витку йиллинин пийкыль то. титэ итити пийкыль, йиңлынин чаётқыёлгын. Уйүэ акойуынтыватка китыу»* / 'Когда Хоялхот из табуна пришёл, Мэллэ [уже] не была [такой] по-вчерашнему весёлой и не варила чай. Только когда мать начала её ругать, впервые повесила чайник, бросила чайную доску. Чаше ставить не стала» [11, с. 27]. Униженный Хоялхот хотел было сам налить себе чаю, но ему запретили это сделать: *Ынан экминнин йиңлылг'ын чаётқыёлгын ав'аняввка то янот уывонэн экмык койнуычгын, эейвэу нивын: «Кытыл чинин авэтатка!» То наувон кытг'айуак Мэллэ. Мэллэ аму этг'у унмык ныйкыланьуывой увиккит то уывой койуынтыватык* / 'Он взял брошенную чайную доску. Ничего не сказав, сначала начал брать кружку, однако ему сказали: «Сам не делай!» И начали ругать Мэллэ. Мэллэ ещё сильнее застеснялась себя и начала ставить кружки' [11, с. 27]. Отступление от традиционных правил поведения могла позволить себе разгневанная невеста, насильно выдаваемая замуж, но только не законная жена. После совершения «хватания невесты», той ночи, во время которой Мэллэ стала женой Хоялхота, поведение Мэллэ меняется. Вот как изображает К. Кеккетын первое утро Мэллэ в роли жены: *Митив'мэйуынкыеп кыеви Мэллэ, чайпатэ то йычаёв'нэн ымыу яйычг'ын. Пыльткуй койнуык, ынав'ут уывой пычакынник Ыоялжотынау* / 'На другой день очень рано проснулась Мэллэ, чай сварила и напоила чаем всю семью. Закончила складывать чашки, [и] тогда начала Хоялхоту зашивать торбаза' [11, с. 39]. Традиционный быт чётко распределяет роли и, в соответствии с этими ролями, обязанности каждого.

Представления коряков о том, что организация чаепития в яранге – исключительно женская обязанность, легли в основу мифологического рассказа о невидимой жене, которая устраивает чаепитие в той яранге, где нет ни одной женщины: «<...> в районе села Рекинники живёт один старик. Жена его давно умерла, он живёт с сыновьями. Но говорят, что у него есть *нинвитүавчан* (нинвит-жена). Когда к нему приезжают гости, он кому-то невидимому велит приготовить чай. Полный воды чайник сам навешивается над огнем, чайная доска сама укладывается среди полога, сама открывается шкатулка с посудой, пучок лыка сам вытирает чашки, а чашки сами устанавливаются на доске» [12, с. 200].

Фаянсовые чашки, аккуратно сложенные в деревянный ящичек – предмет гордости замужней женщины. Медные чайники, фаянсовые и эмалированные чашки появились у коряков в результате торгового обмена с русскими. До прихода русских коряки пользовались самодельными чашками из рога оленя или горного барана, иногда из дерева [7, с. 106, 113]. С фаянсовыми кружками обращались чрезвычайно бережно, с любовью: «Они хранятся как драгоценности в специальных ящичках с выемками для чашек или заворачиваются в мягкое тряпье» [7, с. 113]. Стен Бергман, участник шведской экспедиции 1920–1922 гг. описал, как проходило большое совместное чаепитие всего стойбища по случаю приезда гостей: «Каждая хозяйка принесла с собой маленькую деревянную шкатулку, из которой медленно вынимала чашки для чаепития, которые там лежали, завернутыми в ветошь. Чашки складывали на большой поднос, и одна из женщин наливала в них чай» [1, с. 121]. Кружки для чая в специальном деревянном ящичке хранились у женщины, хозяйки семьи, но чайная заварка хранилась у мужчины и была в его ведении. Н. Н. Беретти был свидетелем того, как хозяин выдавал заварку для чаепития: «Через несколько минут влезает в полог одна из женщин, просит на заварку чай, после чего вносят в полог деревянный поднос и ящик с посудой» [2, с. 248].

Чай был привнесён в мир корякской традиционной культуры извне, но так полюбился кочевым и оседлым корякам, что стал неотъемлемой частью их жизни. Отголоски чаепития как ритуала гостеприимства присутствуют даже в обрядовой практике. В самом начале XX в., во время экспедиции к оседлым корякам, В. И. Иохельсон детально описал ритуал проведения китового праздника. Среди элементов обряда этнограф отметил и такой, который символически изображает чаепитие, устроенное в честь дорогих гостей, морских зверей, пришедших в гости к жителям селения. Деревянные фигурки морских зверей ставят вокруг очага, затем «их поят, поливая водой из чайника, кормят лахтачьим жиром. При этом произносят различные заклинания, смысл которых примерно сводится к следующему: «Вы были у нас в гостях, мы вас хорошо встречали, мы вас всячески ублажали, теперь мы с вами прощаемся. Отправляйтесь назад в море к своим товарищам и на следующий сезон приходите к нам и приводите своих сородичей»» [12, с. 117]. Среди оседлых коряков (алюторцев) символическое чаепитие совершалось и во время проведения ритуала по случаю первой удачной охоты: «Первого морского зверя, убитого во время весеннего сезона, алюторцы встречают особенно торжественно. <...> Самая старшая из женщин идёт впереди с чайником в руках. Как только подходит первая нарта с добычей, женщина обкладывает

морской травой голову убитого лахтака, лежащего на передней нарте, и льёт воду из чайника на нос зверя. Это означает, что она приветствует гостя, поит его, гостеприимно встречает» [12, с. 105]. Тот факт, что во время проведения ритуала женщина, угощая дорого гостя, пользуется не деревянным ковшом, как это было в древности, а чайником, показывает, что привезённые из чужого мира атрибуты чаепития уже не отторгаются традиционной корякской культурой, а воспринимаются как элементы своей.

Чай, символическое чаепитие имеют место и в современных погребальных обрядах. По свидетельству этнографа В. В. Горбачёвой, проводившей свои исследования на Камчатке в середине 1970-х гг., в последнюю ночь пребывания тела умершего в доме или яранге «с умершим обращались как с живым человеком. Когда хозяева и гости садились принимать пищу, умершему в изголовье ставили миску с продуктами и чашку чая с горячим чаем, который по мере остывания меняли» [4, с. 74]. После сожжения тела на месте кремации родственники оставляли «немного продуктов, чаще всего – внутренний жир оленя, кусок сахара и хлеба, щепотку заварки чая, папиросу, сигарету или жевательный табак – *ялуп*. Оставленное предназначалось умершему» [4, с. 104]. Угощение чаем предполагалось и в осенний поминальный день, который совершался раз в год: умершим родственникам передают не чайный напиток, а сухую заварку в рассыпанном виде: «Покойников «угощали» юколой, разрезанной на куски, чаем (заваркой), махоркой, папиросами, табаком *ялуп* и т. п. При этом пачки с заваркой, папиросами и махоркой открывали и рассыпали или укладывали небольшую часть содержимого на камни» [4, с. 108]. К середине XX в. чай в качестве функционального атрибута находит своё место в корякских погребальных обрядах. И только одна сфера корякской жизни остаётся закрыта для экспансии чая. В корякской традиционной культуре очень важную роль играют жертвоприношения духам-охранителям. До сих пор для кормления родовых идолов коряки готовят ритуальную жертвенную пищу из традиционных компонентов [3, с. 9, 10]. Современные коряки говорят, что использование чая (в виде сухой заварки или напитка) для кормления семейных духов-охранителей совершенно исключено.

Элементы чужого мира постепенно, но неуклонно и прочно утверждают себя в традиционном обществе. Вкусовые и тонизирующие свойства привозного чая делают его незаменимым продуктом в стойбищах и поселениях камчатских коряков. Обычай утреннего и вечернего чаепития становятся к 1920-м гг. незыблемой традицией каждой корякской семьи. Чай необходим каюрам, оленеводам, охотникам, преодолевающим значительные расстояния по снежной морозной тундре Камчатки. Покорив бытовую сферу, чай и ритуальное чаепитие находят отражение в обрядовой практике камчатских коряков, в корякском фольклоре и литературе. И только в обрядах, связанных с кормлением семейных духов-охранителей, использование чая принципиально невозможно: в этой сфере граница своего и чужого остаётся незыблемой до сих пор.

Литература

1. Бергман С. По дикой Камчатке. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2000. 166 с.
2. Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 8. – Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2014. С. 240–318.
3. Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. – Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015. 217 с.
4. Горбачёва В. В. Обряды и праздники коряков. – СПб.: Наука, 2004. 152 с.
5. Жизнь и судьба С. Н. Стебницкого. Методико-библиографический материал / Сост. Г. Овчинникова. – Палана: Изд. окружной библиотеки, 1992. 33 с.
6. Зуев А. С. Сибирь: веки истории XVI–XIX вв.; Учеб. пособие для ст. классов общеобр. учреждений. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 1999. 368 с.
7. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и организация. – СПб.: Наука, 1997. 238 с.
8. История и культура коряков / Под ред. А. И. Крушанова. – СПб.: Наука, 1993. 236 с.
9. Кеккетын К. Последняя битва. Рассказ на корякском языке / Под ред. С. Н. Стебницкого. – Л.: Гослитиздат, 1936. 80 с.
10. Кеккетын К. Эвныто батрак. Рассказ на корякском языке / Под ред. С. Н. Стебницкого. – Л.: Изд. дет. лит., 1936. 79 с.
11. Хоялхот К. Х. Рассказ на корякском языке / Под ред. С. Н. Стебницкого. – Л.: Изд. Главсевморпути, 1939. 120 с.

Tat'yana A. GOLOVANEVA

Ph. D. (in Philology), Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

E-mail: gta-77@mail.ru

Alien That Became Ours: Tea in the Culture of Kamchatka's Koryaks at the Beginning of the 20th Century

UDC 398(=551.3):623.444 doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/16-25

*Koryaks,
Koryak's ethnography,
Koryak's rites,
Koryak's folklore,
Koryak's literature,
Kecay Keccetyn,
cultural exchange,
history of Kamchatka,
tea*

In this article one can find ethnographic, folklore and literature evidences of the process, which shows how Kamchatka's koryaks were assimilating tea brought by the Russian trades people in the 18th century. With time tea turns from the product of luxury into the product of need. Tea helps to restore physical strength en route in the snowy tundra. At the beginning of the 19th century the ritual of morning and evening teatime becomes the tradition of every Koryak family. Tea and tea party find their places in rites practice of Kamchatka's koryaks, as well as in Koryak folklore and Koryak literature. At the beginning of the 20th century among the settled koryaks (alutars) the symbolic tea party was held as a preliminary ritual for the first successful hunting and also for the whale celebration. Tea and symbolic tea party can be found in modern death ceremonies. And there is only one area of koryaks' rites life, in which tea is still alien and seems out of this culture. Till nowadays koryaks make special sacrificial food of traditional components for feeding clan idols. Using tea (whether it be dry tea or drink) for feeding family guardian spirits is forbidden.

For citation: Golovaneva T. A. Alien that became ours: tea in the culture of Kamchatka's Koryaks at the beginning of the 20th century // Oriental Institute journal. 2018. № 1. P. 7–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/16-25

References

1. Bergman S. Po dikoj Kamchatke. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij pechatnyj dvor, 2000. 166 s.
2. Beretti N. N. Na krajnem Severo-Vostoke // Voprosy istorii Kamchatki. Vypusk 8. – Petropavlovsk-Kamchatskij: KHold. komp. «Novaya kniga», 2014. S. 240–318.
3. Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. Golosa koryakskoj kul'tury: Liliya Ajmyk. – Novosibirsk: Akkademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2015. 217 s.
4. Gorbachyova V. V. Obryady i prazdniki koryakov. – SPb.: Nauka, 2004. 152 s.
5. ZHizn' i sud'ba S. N. Stebnitskogo. Metodiko-bibliograficheskij material / Sost. G. Ovchinnikova. – Palana: Izd. okružnoj biblioteki, 1992. 33 s.
6. Zuev A. S. Sibir': vekhi istorii XVI–XIX vv.; Ucheb. posobie dlya st. klassov obshheobr. uchrezhdenij. – Novosibirsk: Infolio-press, 1999. 368 s.
7. Iokhel'son V. I. Koryaki. Material'naya kul'tura i organizatsiya. – SPb.: Nauka, 1997. 238 s.
8. Istoriya i kul'tura koryakov / Pod red. A. I. Krushanova. – SPb.: Nauka, 1993. 236 s.
9. Kekketyn K. Poslednyaya bitva. Rasskaz na koryakskom yazyke / Pod red. S. N. Stebnitskogo. – L.: Goslitizdat, 1936. 80 s.
10. Kekketyn K. EHvnyto batrak. Rasskaz na koryakskom yazyke / Pod red. S. N. Stebnitskogo. – L.: Izd. det. lit., 1936. 79 s.
11. KHoyalkhot K. KH. Rasskaz na koryakskom yazyke / Pod red. S. N. Stebnitskogo. – L.: Izd. Glavsevmorputi, 1939. 120 s.